

УДК 930.2:093.3:002.2

<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>

Эго-документы в структуре исторической памяти

С. В. Козлов

Козлов
Сергей Васильевич,

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения

Российской академии наук,
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630200,
Россия,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
заместитель директора по научной
работе

ORCID: 0000-0002-6784-8992

e-mail: feld71@mail.ru

Аннотация. Феномен исторической памяти при его значимом месте в современном социогуманитарном знании совсем недавно привлек внимание отечественных книговедов. В этой связи для исследований книжной культуры необходимо привлечение ресурсов такого исследовательского направления, как *memory studies*. Цель статьи – показать, какое место в структуре исторической памяти занимают эго-документы (автобиографии, мемуары, дневники и иные виды документов личного происхождения) и каким образом их публикация влияет на ее сохранение. Показано, что, будучи специфическими социальными практиками, эго-документы предстают как институт создания, хранения и трансляции исторической памяти. Апробированный в статье инструментарий *memory studies* может быть использован при выработке методологических подходов для исследовательского проекта «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», реализуемого ГПНТБ СО РАН.

Ключевые слова: книжная культура, эго-документы, *memory studies*, историческая память, ГПНТБ СО РАН

Для цитирования: Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5–11. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>.

Ego-Documents in the Structure of Historical Memory

Sergey V. Kozlov

Kozlov Sergey Vasilievich,
State Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Voskhod str., 15, Novosibirsk, 630200,
Russia,
Candidate of Historical Sciences,
Assistant professor, Senior
Researcher, Deputy Director

ORCID: 0000-0002-6784-8992
e-mail: feld71@mail.ru

Received 14.11.2022

Accepted 21.11.2022

Abstract. The phenomenon of historical memory, while prominent in the present socio-humanitarian field has only recently drawn attention of book studies scholars in our country. It therefore becomes necessary in book culture scholarship to utilize the research potential of memory studies. This article focuses on ego-documents that include autobiographies, memoirs, diaries, and other documents of personal origin, to reveal their role in the structure of historical memory and to show how their publication affects their preservation. The article shows that ego-documents as specific social practices function as institute for creation, preservation, and transmission of historical memory. Approaches and methods of memory studies utilized in this article can be used to develop methodological approaches for the research project pursued by the State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences entitled “Ego-documents on the history of the Great Patriotic War and other 20th century military conflicts in the archival depositories of Eastern Russia: problems of location, attribution, and publication”.

Keywords: book culture, ego-documents, memory studies, historical memory, SPSTL SB RAS

Citation: Kozlov S. V. Ego-Documents in the Structure of Historical Memory. *Bibliosphere*. 2022. № 4. P. 5–11. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>.

Введение

Изучение исторической памяти (*memory studies*) в последние десятилетия превратилось в одно из динамично развивающихся междисциплинарных направлений социогуманитарных исследований. Однако, как отмечает С. Н. Лютов, хотя «феномен ”книга” незримо присутствует в большинстве публикаций (рукопись, текст, документ, литературное произведение и т. п.), но в прямой постановке вопрос о роли книги, книжной культуры в сохранении исторической памяти не изучался» (Лютов, 2017, с. 9). Привлечение ресурсов *memory studies* для актуализации проблем, изучаемых отечественным книговедением, представляются весьма перспективным.

Феномен исторической памяти является весьма сложным, и книжная культура влияет на сохранение разных видов памяти по-разному. Цель статьи – показать, какое место в структуре исторической памяти занимают эго-документы (автобиографии, мемуары, дневники и иные документы личного происхождения) и как их публикация влияет на сохранение исторической памяти. Результаты исследования будут использованы при выработке методологических подходов для научного проекта «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», реализуемого Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН).

Memory studies как исследовательское направление

Введение в научный оборот понятия «коллективная память» в 20-е гг. XX в. связано с именем Мориса Хальбвакса, который определил память как сконструированный социальными рамками образ прошлого, создаваемый в настоящем через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты (Хальбвакс, 2007). Активное изучение понятия «память» началось в 1980-е гг. вместе с переоткрытием работ Хальбвакса. Интерес к *memory studies* был связан с переосмыслением роли истории как способа постижения прошлого. Пионерными исследованиями в этом направлении стали книга американского историка Йозефа Ерушалми «Захор: еврейская память и еврейская история» (1982) и предисловие французского историка Пьера Нора «Между памятью и историей» к антологии «Места памяти» (1984). После этого число публикаций по проблематике памяти начинает быстро расти. В определенном смысле можно утверждать, что в 1990-е гг. возникает интеллектуальная мода на понятие «память», которое, по оценке Алона Конфино, с этого момента занимает место главного термина в культурной истории (Confino, 1997). В это же время происходит институционализация области исследования *memory studies* в качестве отдельной научной дисциплины.

Само понятие «коллективная память» достаточно быстро перестало устраивать

исследователей в силу его крайнего социологизма. Результатом стало появление многочисленных альтернативных понятий: «историческая память», «социальная память», «культурная память», «публичная память», «постпамять» и проч. Канадский исследователь Эндель Тулвинг насчитал 256 типов памяти (Tulving, 2007). Однако, как считает О. Головашина, «несмотря на почти сто лет развития *memory studies*, определения коллективной, исторической, социальной, культурной памяти до сих пор ближе к метафоре, чем к концепту» (Головашина, 2022, с. 59–60). В условиях растущей фрагментации исследовательского поля и отсутствия конвенциональных определений рамочным понятием для *memory studies* можно считать понятие «историческая память»¹. Л. П. Репина отмечает, что «... большинство специалистов понимают под “исторической памятью” совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе, как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» (Репина, 2009, с. 184).

В рамках исследовательского поля *memory studies* историческая память выступает как результат влияния социальной среды. Один из родоначальников этого направления Пьер Нора подчеркивал, что память носит институциональный характер, и указывал, что в настоящее время доминирует искусственно сконструированная историческая память (Нора, 1999). Современные научные исследования памяти представляют прошлое «как конструкт, который создается человеком в зависимости от его актуальных возможностей и потребностей» (Ассман, 2014, с. 13).

Значимый вклад в *memory studies* внесли работы немецких исследователей Яна и Алейды Ассман, создавших концепцию культурной памяти, которая завоевала ведущие позиции в рамках названной дисциплины. Во многом это произошло благодаря тщательно разработанному терминологическому аппарату. Я. Ассман, развивая идеи М. Хальбвакса о формировании памяти в процессе коммуникации, предложил определение культурной памяти, которая дает возможность обществам помнить и воображать себя (Ассман, 2004). А. Ассман, следуя за идеей супруга о том, что основным механизмом формирования памяти является коммуникация, предложила концепцию трех уровней памяти: нейронного, социального и культурного, – которые и определяют ее структуру. Основной акцент А. Ассман сделала на описании акторов,

вовлеченных в процесс формирования памяти, и на связь уровней памяти через взаимодействие трех измерений: носителя, среды и опоры.

Носителем нейронной памяти выступает мозг индивида, а ее содержанием – преимущественно индивидуальные воспоминания, которые связаны с социальной сетью и культурным полем. Носителем социальной памяти является социальная группа, сплачиваемая общими воспоминаниями, актуализирующимися в процесс социальной коммуникации: через межличностные контакты и речевое общение. И наконец, культурный уровень памяти формируется вокруг символических медиаторов, к которым А. Ассман относит «передаваемые и воспроизводимые культурные объективации в виде символов артефактов, практик и их институций, в которых индивидуумы ... сменяют друг друга, однако передача и традиции обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций. <...>. Если социальная память является *скоординированной памятью отдельных индивидов*, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами, то коллективная и культурная память основывается на ресурсе опыта и знаний, который *отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители*» (Ассман, 2014, с. 30–32). Это дает культурной памяти долгосрочную опору. В число подобных носителей входит и книга. Таким образом, можно утверждать, что книжная культура служит средой, обеспечивающей сохранение культурной памяти.

Особое внимание А. Ассман в своих теоретических построениях уделяет такому специфическому феномену, как национальная память, выделяя ее из культурной. «Там, где история находится на службе формирования идентичности, где история осваивается гражданами, где к ней апеллируют политики, там можно говорить о “политической” или “национальной” памяти» (Ассман, 2014, с. 35). Если социальная память является многоголосой и воздействует на общество «снизу», то национальная память оказывается гораздо более унифицированной конструкцией, поскольку закрепляется политическими институтами и воздействует на общество «сверху».

Среди этих институций значимое место занимает историческая наука. Профессиональные историки, работающие в рамках финансируемых государством организаций и обеспечивающие решение требуемых задач, создают образ прошлого, который, как отмечает Ю. П. Зарецкий, «во-первых, напрямую зависит от властных отношений в обществе и, во-вторых, является предметом манипуляций сил, имеющих своей целью достижение тех или иных политических результатов в настоящем» (Зарецкий, 2008, с. 41).

¹ Именно так – «Историческая память: введение» – назвала свое учебное пособие, посвященное исследованиям памяти и выпущенное издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2019 г., Ю. А. Сафронова (2019).

Это означает, что производимое историками знание зачастую так или иначе используется различными властными группировками в своих целях. Необходимо подчеркнуть, что конструируемые профессиональным сообществом знания о прошлом представляют собой описание последовательности событий (нарративов). Таким образом, официальный исторический нарратив, создаваемый профессиональными историками и распространяемый затем посредством различных институций (прежде всего, массового образования), предстает как инструмент доминирования элит, обеспечивающий вменение социальным аудиториям нужных властью имиджем представлений о прошлом².

А. Ассман указывает на связь усилий, принимаемых государством по поддержанию национальной памяти, и воспроизводства национальной идентичности. «Институции и корпорации, а также культуры, нации, государства, церковь или фирма “не имеют” памяти, ибо она “конструируется” ими с помощью мемориальных знаков и символов. Благодаря этой памяти институции и корпорации одновременно “конструируют” собственную идентичность» (Ассман, 2014, с. 33). Воспроизводство коллективной идентичности (то есть осознания человеком своей принадлежности к той или иной устойчивой группе) политического сообщества является важнейшим условием поддержания его нормального функционирования. Поэтому государство прикладывает немалые усилия для формирования и поддержания подобной идентичности. Представления об общем прошлом при этом выступают одним из важнейших символических ресурсов. Как подчеркивал австрийский историк Андреас Каппелер, «именно истории принадлежит центральная роль в создании идентичности» (Каппелер, 1994, с. 208).

И. М. Савельева и А. В. Полетаев указывали, что «задачи формирования исторической памяти решаются и на уровне государства, включая такую сферу деятельности, как “политика памяти”, направленную на создание “нужного” синтеза настоящего с прошлым» (Савельева, Полетаев, 2003, с. 433). «Власть определяет, какое прошлое достойно сохранения, а какое – забвения. Тем самым «политика памяти» распадается на два взаимосвязанных блока: «политику запоминания» и «политику забвения» (Савельева, Полетаев, 2008, с. 58). Государство нуждается в формировании коллективных представлений о прошлом в целях поддержания национальной идентичности и воспитания патриотизма, а деятельность специалистов в этой сфере (прежде

всего, профессиональных историков) обеспечивает создание нужного образа коллективного прошлого при помощи акцентуации одних и ретуширования других аспектов исторического процесса. «Профессиональная история, – отмечает А. И. Миллер, – возникла в начале XIX столетия именно как часть предприятия по строительству наций и во многом такой остается» (Миллер, 2008, с. 130).

В современных обществах доминирующей стала печатная культура, национальная память в которой формируется преимущественно под воздействием исторической политики, реализуемой посредством массового образования и массовой культуры. В результате личные биографии граждан оказываются вписанными в широкий контекст развития страны и воспринимаются через него.

Эго-документы: личный взгляд на прошлое

Одной из форм, позволяющих вписать индивидуальные биографии в общеисторический контекст и соотнести свидетельства индивида с официальным нарративом, определяющим национальную память, служат **эго-документы**. Это понятие (взаимозаменяемое с понятием «документы личного происхождения») было введено в научный оборот в 1958 г. профессором Амстердамского университета Жаком Прессером. Оно позволило объединить разные тексты: автобиографии, мемуары, дневники, журналы путешествий, письма. Прессер относил к эго-документам «те исторические документы, в которых исследователь сталкивается с “Я” или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “Он” как одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» (цит. по: Зарецкий, 2021, с. 185).

До последней трети XX в. документы личного происхождения оставались на периферии научного дискурса, поскольку в силу их ненадежности недооценивались исследователями. Однако с 1970-х гг. в связи с развитием микроистории социальные историки, стремясь написать «историю снизу», стали активнее использовать эго-документы. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием идей Мишеля Фуко и Мишеля де Серто эго-документы стали рассматривать как «средство социального и личного общения и самопознания, а не просто как изложение личного опыта» (Дунаева, 2017, с. 18). Именно эти сюжеты позволили изучать такие важные (в том числе и для книжных исследований (*book studies*), новой дисциплины, которая начала складываться в зарубежной гуманитарной науке в 1970–1980-е гг. (Венедиктова, 2019)) темы, как дискурс, письменные дискурсивные практики, история чтения.

² Отметим, что официальный исторический нарратив является элементом более широкой символической конструкции – метанарратива, задача которого состоит в объяснении темпоральных связей прошлым, настоящим и будущим (Gill, 2013).

Характерной особенностью эго-документов является субъективно-личный характер, что делает их важнейшим источником для изучения человека как субъекта исторической семантики и исторической памяти. Как отмечает Ю. П. Зарецкий, «новые подходы к осмыслению автобиографических свидетельств, появившиеся в последние десятилетия XX в., поставили под вопрос прежде очевидную дихотомию правды/вымысла, заключенных в этом виде исторического документа. В постмодернистской теории сам феномен автобиографии осмысливается принципиально по-иному: из исторического свидетельства о личности автора и его времени она превращается в один из “дискурсивных типов”, а Я ее автора (*autos*) и рассказ о его жизни (*bios*) выступают исключительно как языковые конвенции. В постмодернистской трактовке акцент переносится на изучение особенностей автобиографического дискурса (*grapho*) или смещается в сторону изучения восприятия текста читателем. Понятиям же “правдивости” или “исторической достоверности” автобиографического свидетельства в традиционном его понимании при таком подходе просто не находится места» (Зарецкий, 2009, с. 312).

Рассмотрение эго-документов как специфических социальных практик, укорененных в конкретных коммуникативных ситуациях, обуславливает то обстоятельство, что их авторы выступают «не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумеющимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, относящиеся к конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей» (Зарецкий, 2021, с. 197). Это позволяет рассматривать документы личного происхождения как форму исторической памяти. Эго-документы в этой перспективе предстают как институт создания, хранения и трансляции этой памяти (Голикова, 2014, с. 63). Будучи текстами личного происхождения, они тем не менее не являются исключительно индивидуальным взглядом на историю. В ретроспективном эго-источнике сочетаются индивидуальное восприятие прошлого и коллективные представления, которые задают рамку понимания происходящего. Анализ этих текстов позволяет проследить механизмы взаимодействия личных воспоминаний и публичных коллективных нарративов.

Весьма значимым оказывается вопрос, каким образом публикация тех или иных эго-документов влияет на воспроизводство разных измерений исторической памяти. Представляется, что в перспективе рассмотрения места эго-документов в структуре исторической памяти не вполне корректно считать их единым корпусом источников

личного содержания. Хотя эти документы имеют общие классификационные признаки, но в зависимости от целей авторов их место и роль в структуре памяти могут быть различными. Саморепрезентации в документах автобиографического содержания могут либо вписываться в официальный нарратив, либо отличаться от него. В первом случае эго-документы подкрепляют автобиографическими свидетельствами его базовые идеологемы официального нарратива. Прежде всего это относится к воспоминаниям государственных деятелей и военачальников (например, «Малая земля» Л. И. Брежнева или «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова). Если национальная память подчинена интересам государства и элит, контролирующих его ресурсы, то совсем другое дело – мемуары или автобиографии рядовых участников событий, аккумулирующиеся, например, в центре документации «Народный архив» Бориса Илизарова (действовал до 2006–2008 гг.) или центре изучения эго-документов «Прожито» Михаила Мельниченко, существующего с 2019 г. при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Как отмечает С. В. Голикова, в подобных текстах «в жизнь “маленького” человека вторгается “большая” история, и личное, помещенное в пространство памяти, постигается через воспоминание или забвение» (Голикова, 2014, с. 65). Таким образом, эти тексты позволяют пролить свет на механизмы функционирования социальной памяти, имеющей коммуникативную природу. Социальная память, разделяемая представителями того или иного сообщества, способна создать отличный от официального образ коллективного прошлого.

В наиболее концентрированной форме смещение оптики от вписывания своей биографии в общие исторические нарративы к индивидуальным переживаниям личного травматического опыта происходит в эго-документах, посвященных военным событиям. П. Полян, рассматривая дневники военных лет, отмечает: «Дневники – уж не перед лицом ли возможности смерти своих авторов в любой момент? – дружно отказывались перестраиваться с “Я” на “Мы”» (Полян, 2021, с. 212). Речь идет об антагонизме между двумя установками: государственно-патриотической («Умри ж за родину, герой!») и общечеловеческой («Ни в коем случае не умереть – выжить!»). В возможности увидеть историю глазами «простого» человека проявляется гуманистический потенциал эго-документов.

Краткие итоги и перспективы использования ресурсов *memory studies* в историко-книжных исследованиях

Будучи специфическими социальными практиками, эго-документы предстают как институт

создания, хранения и трансляции исторической памяти. Предложенная А. Ассман концепция уровней памяти позволяет определить место, занимаемое документами личного происхождения в структуре исторической памяти. В момент создания, еще не опубликованные, они представляют собой самопрезентации индивидов, принадлежащих к конкретной социальной группе, действующих внутри определенных контекстов и связей и воспроизводящих свойственную этой группе социальную память. При публикации эго-документов и превращении их в феномен книжной культуры происходит экстернализация и объективация личного опыта, который становится доступен другим индивидам. Таким образом, документы личного происхождения предстают носителями культурной памяти. В случае, если автор эго-документа придерживается официального нарратива, его свидетельство является подтверждением закреплённой политическим институциями национальной памяти. В противном случае эго-документ может способствовать созданию отличного от официального образа коллективного прошлого.

Определяя перспективы использования ресурсов *memory studies* в историко-книжных исследованиях, можно констатировать, что последние десятилетия характеризуются устойчивым повышением внимания как профессионального сообщества, так и читательской аудитории к документам личного происхождения. Н. В. Суржикова указывает на «очевидный дрейф

исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний. <...> Изменившееся при этом отношение к документальности, проявившееся в снижении авторитета официальных документов, а с ними и авторитета государственных архивов, заточенных прежде всего на сохранение официальной истории, стало еще одним фактором, добавившим бонусов эго-терминологии» (Суржикова, 2014, с. 6–7).

Как отмечает Н. М. Филатова, «в настоящее время во многих европейских странах ведутся масштабные исследовательские проекты по систематизации, классификации корпуса эго-документов и выявлению их потенциала в развитии гуманитарного знания» (Филатова, 2018, с. 32). Актуальным это направление является и для России. Так как феномен исторической памяти совсем недавно привлек внимание отечественных исследователей книжной культуры, в изучение этой проблематики, несомненно, внесет значимый вклад научный проект «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», реализуемый ГПНТБ СО РАН. Работа над проектом, начатая в 2022 г., обеспечит более конкретное понимание проблем формирования российского патриотизма, исторической памяти и национальной идентичности, основанное на анализе местных, ранее неизвестных источников.

Список источников / References

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с. [Assmann A (2014) The long shadow of the past: memorial culture and historical politics. Moscow: New lit. rev. (In Russ.)].

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 263 с. [Assmann Ya (2004) Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)].

Венедиктова Т. Новости из истории книги // Новое литературное обозрение. 2019. № 5. С. 338–346 [Venediktova T (2019) News from the history of the book. *Novoe literaturnoe obozrenie* 5: 338–346. (In Russ.)].

Голикова С. В. Воспоминания: историческая память в формате эго-источника // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию д. и. н., проф. А. В. Бакунина. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 62–66

[Golikova SV (2014) Memories: historical memory in the format of an ego-source. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.: materialy XII Vseros. nauch. konf., posviashch. 90-letiyu d. i. n., prof. A. V. Bakunina. Ekateringurg*, vol. 1, pp. 62–66. (In Russ.)].

Головашина О. Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 59–83 [Golovashina O (2022) Back to ideas: in search of grounds for collective memory. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 21(3): 59–83. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-59-83.

Дунаева Ю. В. Эго-документы в исторической науке XX – начала XXI в. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Серия 5, История. 2017. № 3. С. 14–21 [Dunaeva YV (2017) Ego-documents in the historical science of the XX – early XXI centuries. (Summary). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Seriya 5, Istoriia* 3: 14–21. (In Russ.)].

Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // Cogito. Альманах истории идей. Ростов-на-Дону : Логос, 2009. Вып. 4. С. 311–324 [Zaretskii YuP (2009) Historians and autobiographies. *Cogito. Al'manakh istorii idei*. Rostov-on-Don, iss. 4, pp. 311–324. (In Russ.)].

- Зарецкий Ю. П. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. Т. 59, № 3. С. 39–48 [Zaretskii YuP (2008) History, memory, national identity. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* 59(3): 39–48. (In Russ.)].
- Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. Т. 137, № 3. С. 184–199 [Zaretskii YuP (2021) Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* 137(3): 184–199. (In Russ.)].
- Каппелер А. Українсько-російські стосунки у ХІХ столітті: гіпотези та відкриті питання // доповіді на ІІ Міжнародному конгресі українців. Львів, 1994. Ч. 1. С. 208–214 [Kappeler A (1994) Ukrainian-Russian relations in the XIX century: hypotheses and open questions. *Dopovidi na II Mizhnarodnomu kongresi ukrainistiv*. Lviv, pt. 1, pp. 208–214. (In Ukr.)].
- Люттов С. Н. Книга и историческая память // Библиосфера. 2017. № 4. С. 8–13 [Lyutov SN (2017) Book and historical memory. *Bibliosfera* 4: 8–13. (In Russ.)]. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-4-8-13.
- Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134 [Miller A (2008) The history of empires and the politics of memory. *Rossiya v global'noi politike* 6(4): 118–134 (In Russ.)].
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург, 1999. С. 17–50 [Nora P (1999) Problematics of places of memory. *Frantsiya-pamyat'*. Saint Petersburg, pp. 17–50. (In Russ.)].
- Полян П. М. Синдром Пимена, или Зов истории. О дневниках военных лет // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. № 3. С. 200–216 [Polyan PM (2021) Pimen's syndrome, or the Call of history. About the diaries of the war years. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* 3: 200–216. (In Russ.)].
- Репина Л. П. Историческая память как понятие и как проект // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Москва, 2009. С. 183–186 [Repina LP (2009) Historical memory as a concept and as a project. *Soobshchestvo istorikov vysshei shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya*. Moscow, pp. 183–186. (In Russ.)].
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 632 с. [Savelyeva IM and Poletaev AV (2003) Knowledge of the past: theory and history. Vol. 1. Constructing the past. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)].
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. Москва : Новое лит. обозрение, 2008. 456 с. [Savelyeva IM and Poletaev AV (2008) Social perceptions of the past, or Do Americans know history. Moscow Social perceptions of the past, or Do Americans Know History. Moscow: New lit. rev. (In Russ.)].
- Сафронова Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. [Safronova YuA (2019) Historical memory: introduction: textbook. Saint Petersburg: Europ Univ. in St. Petersburg Publ. (In Russ.)].
- Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13 [Surzhikova NV (2014) Egodocuments: intellectual fashion or conscious necessity? (Instead of a preface). *Istoriia v ego-dokumentakh: issledovaniia i istochniki*. Ekaterinburg, pp. 6–13. (In Russ.)].
- Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым : сб. науч. тр. Сер. «Категории и механизмы славянской культуры». Москва, 2018. С. 24–40 [Filatova NM (2018) Approaches to studying egodocuments in modern historical science in the «linguistic turn» light. *Dokument i «dokumental'noe» v slavyanskikh kul'turakh: mezhdu podlinnym i mnimym: sb. nauch. tr. Ser. «Kategorii i mekhanizmy slavyanskoi kul'tury»*. Moscow, pp. 24–40. (In Russ.)]. DOI: 10.31168/0402-2.2.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое изд-во, 2007. 346 с. [Halbwachs M (2007) The social framework of memory. Moscow: New Publ. House. (In Russ.)].
- Confino A (1997) The nation as a local metaphor: Württemberg, Imperial Germany, and national memory, 1871–1918. London: UNC Press Books.
- Gill G (2013) Symbolism and regime change: Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tulving E (2007) Are there 256 different kinds of memory? The foundations of remembering: essays in honor of Henry L. Roedinger, III. New York, pp. 39–52.